

—

Ди Хэн планировал разделать пойманную рыбу и приготовить её к обеду для маленькой жены, но, выслушав его жалобы, передумал. Он отложил рыбу в сторону, взял ведро с кормом и отправился в старый двор.

Куры, утки и гуси, давно ждавшие еды, завидев Ди Хэна с ведром, тут же окружили его, шумно выпрашивая угощение.

Ди Хэн первым делом отогнал молодых петушков в сторону и только потом начал раздавать корм остальной живности. Когда все наелись, он высыпал жалкие остатки петухам.

Те, глядя на крохотные порции, попытались было прорваться к кормушкам несушек, но Ди Хэн преградил им путь.

«Это наказание. Впредь не смейте кукарекать так громко и будить мою жену», — Ди Хэну было всё равно, понимают его петухи или нет. Дождавшись, пока куры доедят, и убедившись, что у петухов нет шанса ничего украсть, он вернулся во двор заниматься рыбой.

Помня, что его жене в последнее время хочется острого, а на улице всё еще холодно, он решил, что горячий котелок будет в самый раз.

Ди Хэн разделал все пять крупных рыб: мясо нарезал тонкими ломтиками и кусочками, а крупные кости и головы оставил для наваристого бульона. Часть рыбы он отложил — Ши Чжу упоминал, что хочет рыбу с квашеной капустой.

Хотя кулинарные навыки Ди Хэна за последнее время заметно улучшились, они всё еще ограничивались простой жаркой овощей. Глядя на разделанную рыбу, он засомневался: вдруг испортит? Если его маленькая жена проснется, а еда будет невкусной, он же расплатится.

Подумав, Ди Хэн решил позвать старшую тетю. Пять рыб им двоим всё равно не съесть, а вместе будет веселее, да и Ши Чжу обрадуется гостям.

Заперев ворота, Ди Хэн взял баночку меда и отправился к тете. Договорившись об обеде и немного поиграв с маленьким племянником, он поспешил домой, боясь, что Ши Чжу проснется и не найдет его.

Проходя мимо дома старика Чжоу, он увидел свежий тофу и купил пару кусков — как раз пригодится для рыбы с квашеной капустой.

Когда он вернулся, Ши Чжу уже проснулся. Он сидел в кресле-качалке под навесом и сонно протирает глаза. Увидев Ди Хэна с тофу, он протянул руки: «Ты вернулся... Хочу на ручки». Его голос звучал так сладко, что у Ди Хэна сердце затрепетало.

«Хорошо, подожди секунду», — он отнес тофу на кухню, быстро вымыл руки, вернулся, подхватил маленькую жену и сел в кресло, устроив его поудобнее у себя на груди.

«Проснулся? Почему так мало поспал?» — Ди Хэн коснулся его теплой щеки.

«Проснулся, больше не спится», — обиженно пробормотал Ши Чжу.

«Хочешь меда? Я сегодня добыл немного», — Ди Хэн ласково поглаживал его по спине,

успокаивая.

«Хочу».

«А откуда он?»

«В горах нашел», — ответил Ди Хэн, придерживая Ши Чжу одной рукой и наливая ему медовую воду другой.

Глотнув сладкого напитка, Ши Чжу, который до этого был вялым, наконец пришел в себя. Он всё еще висел на муже, но голова уже начала соображать.

«Ты ходил в горы? Сегодня утром?»

«Да».

«Почему мне не сказал? Ты не ранен? Дай посмотрю!» — Ши Чжу соскочил с его колен и принялся кружить вокруг, осматривая со всех сторон.

«Не ранен я, пей скорее, а то остынет», — Ди Хэн снова усадил обеспокоенную жену к себе и поднес чашку к его губам.

«Ты тоже пей».

Пока они мило делили чашку медовой воды, пришли тетя со старшей невесткой. Ши Чжу выбрался из объятий мужа и побежал играть с пухлым племянником.

Сяо Бао, увидев «тетю», очень обрадовался и принялся брыкаться в руках матери, требуя, чтобы его отпустили. Сюэр ничего не оставалось, как поставить этого сорванца на землю. Глядя, как сын тут же забыл о матери, едва завидев тетю, она в шутку шлепнула его по попе: «Иди-иди, бесстыдник, к тете своей беги».

Ши Чжу, зная, что невестка просто шутит, подхватил малыша на руки и засмеялся: «Сестра, Сяо Бао наверняка любит тебя больше всех, просто он по мне соскучился».

Потом он потискал ребенка за щечки: «Сяо Бао, ты же любишь мамочку больше всех? Но и по тете скучал, верно?»

Малыш, прижавшись к Ши Чжу, переводил круглые глазки с матери на тетю и усердно кивал, бормоча что-то вроде «Люб-лю...», чем довел мать до приступа хохота.

«Ах ты, хитрец маленький!» — смеялась она, щекоча его за носик.

Невестка с тетей ушли на кухню готовить обед. Ши Чжу взял Сяо Бао за пухлую ручку и голосом серого волка, заманивающего Красную Шапочку, прошептал: «Сяо Бао, хочешь медовой водички? Тетя сейчас тебе нальет, хочешь?»

«Да!»

Посадив ребенка на табурет с чашкой воды, Ши Чжу налил еще четыре порции для остальных.

«Не суетись, А-Чжу, Хэнцзы уже принес нам полбанки меда, оставьте это себе», — Лю Цин не спешила брать чашку.

«Тетя, то, что принес он — это от него. А это — от меня, мое почтение вам. Попробуйте, сладко ли?» — Ши Чжу умел быть ласковым, когда хотел.

Лю Цин, расплывшись в улыбке, выпила всё до капли и заключила: «Очень сладко!»

На кухне царило веселье, все со смехом готовили обед. Столько людей для готовки не требовалось, поэтому тетя выставила Ши Чжу вон. Тот уходить далеко не стал: вымыл руки племяннику, который до этого копался в грязи, и сел с ним прямо у порога кухни, болтая с женщинами.

Заметив, что старшего брата всё еще нет, он спросил: «Тетя, а где старший брат Да Цю? Почему его не видно?»

«Ох, Да Цю уехал в город. Сказал, что у начальника каравана есть дело к ним. Уже два дня как уехал, надеюсь, к вечеру вернется», — тетушка вздохнула.

Ши Чжу видел её беспокойство и понимал, в чем дело. В эти времена работа в охране караванов хоть и приносила деньги, но это были кровавые деньги. Мало того что человек почти не бывает дома, так это еще и смертельно опасно. Если не повезет наткнуться на бандитов, можно и головы лишиться.

Лю Цин не хотела, чтобы сын этим занимался, боясь, что однажды он не вернется. Пусть денег дома меньше, зато все живы и душа спокойна. Но сын каждый раз обещал, что «в следующем году бросит». Лю Цин перестала спорить — бесполезно, просто каждый раз собирала его в дорогу с особой тщательностью.

Видя, что настроение у тети и невестки упало, Ши Чжу быстро сменил тему.

«Тетя, старшая невестка, весной я собираюсь посадить побольше овощей на продажу в городе. Может, и вы посадите? Будем ходить на рынок вместе, за компанию».

Лю Цин и Сюэр задумались. Весной дел не так много, семья у них небольшая — почему бы и нет? Лишняя монета не помешает.

«Хорошо, вернусь — перекопаю огород под овощи. Весной пойдем торговать вместе».

«А-Чжу, скоро пахота, вы свои инструменты починили? Если нет, пусть твой дядя заберет их в город в ремонт».

«Еще нет, брат Хэн их достал, но еще не отвозил».

«Вот и славно, после обеда пусть дядя заберет их с собой».

На кухне снова зазвучали душевные разговоры. Обед был готов быстро. Поскольку кухня была просторной, решили есть прямо там. Тетя кормила Сяо Бао нежным яичным кремом, который Ши Чжу приготовил специально для него из свежих яиц. Куры Ши Чжу ели овощи, выращенные его способностью, поэтому вкус яиц был бесподобным — об этом могла бы рассказать яичница с перцем, которую Ши Чжу в одиночку умял вчера вечером.

Сяо Бао ел с таким восторгом, дрыгая короткими ножками, что все невольно улыбались. Тетя поддразнила его: «Сяо Бао, так вкусно? Дай бабушке кусочек?»

Малыш заколебался, глядя то на бабушку, то на тарелку, и наконец со страдальческим лицом

выдавил: «М-м...»

Его жадный вид всех рассмешил. Дразнить его больше не стали и дали доесть вкуснятину.

После обеда и короткого отдыха Ди Хэн погрузил сломанные инструменты на воловью повозку, заехал за инструментами дяди, и они вместе отправились в город.

Время летело быстро, и вот уже наступила пора весенней пахоты. В эти дни Ши Чжу сидел дома: то латал одежду, то шил обновки, то спал, то ел. Жизнь текла мирно и счастливо.

Единственное, что отравляло существование — молодые петушки. Казалось, они затаили обиду за прошлое наказание: с того самого дня каждое утро они устраивали такие концерты, что Ши Чжу не помогало даже одеяло на голове. Кукареканье раздавалось волнами, словно они соревновались, кто кого перекричит.

Протерпев несколько дней, Ши Чжу в ярости вскочил с постели и босиком побежал к курятнику, решив зарезать одного петуха в назидание остальным. Но, добежав до загона и окинув его взглядом, он замер. Кур стало меньше.

Он тщательно пересчитал: из пятнадцати цыплят осталось двенадцать.

Его кур украли!

Ши Чжу пришел в ярость. Он растил их так долго, даже сам не решался попробовать на вкус, а теперь сразу троих нет! Проклятый вор, только попадись!

Ди Хэн, готовивший завтрак на кухне, увидел, как жена пробежала мимо босиком. Бросив огонь, он кинулся следом, подхватил его на руки и принялся растирать ледяные ступни. Заметив его раздутые от гнева щеки и мечущие молнии глаза, он решил, что тот опять не выспался из-за петухов и капризничает.

«Не злись, сейчас пойду и зарезу этих петухов. Еще рано, иди поспи».

Но, к его удивлению, Ши Чжу не согласился. В его глазах стояли слезы обиды.

«У-у-у... Моих кур украли... Троих украли!» — разрыдался Ши Чжу.

Ди Хэн тут же забыл о петухах. Он отнес свою плачущую жену в дом, усадил на колени и принялся утешать.

«Ну всё, всё, не плачь. Я поймаю вора и заставлю его вернуть всё до единой курицы, хорошо?»

«Да! И я пойду ловить!»

Следующие несколько дней они провели в засаде, но вор словно почувствовал неладное и не появлялся.

На пятую ночь Ши Чжу сидел в углу двора, разминая затекшие ноги. Сил больше не было. Видя его изможденный вид, Ди Хэн, не слушая возражений, отнес его в спальню. «Я сам посторожу».

Прошло еще две ночи — безрезультатно. Ши Чжу злился, но ничего не мог поделать. Завтра у Ши Юня начинались выходные, нужно было ехать за ним в город. Решив оставить засаду, супруги поужинали и легли спать.

Ночь была тихой, лишь ветер шелестел листвой. Возле старого двора, как раз напротив курятника, слышался шорох. Трава раздвинулась, и показалась маленькая желтоватая мордочка. Существо замерло, осматриваясь по сторонам круглыми, светящимися интеллектом глазками. Убедившись, что опасности нет, оно выскользнуло из кустов.

В свете луны стал виден зверь с серовато-желтой шерстью, длинным хвостом и упитанным тельцем. Ласка привычно направилась к курятнику. Двигалась она проворно и вскоре была у цели. Передними лапками она принялась ковырять засов, постоянно озираясь. Наконец нехитрый замок поддался, и воришка бесшумно скользнул внутрь.

Мгновение спустя по двору разнеслись перепуганные крики птиц и лай собаки. Уголёк, который за эти дни привык к ночным бдениям хозяев, мгновенно проснулся. Почуввав беду в курятнике, он пулей вылетел во двор, заливаясь громким лаем, подавая сигнал хозяевам.

Измученный засадами Ши Чжу спал без задних ног, уткнувшись в Ди Хэна. Он лишь что-то пробормотал во сне про «поймать вора». Ди Хэн же, услышав лай, сразу понял: пришел. Если не поймать сейчас, завтра Ши Чжу снова будет расстроен весь день.

Поправив одеяло на женушке, Ди Хэн взял у двери палку и вышел во двор. Около курятника Уголёк уже сцепился с кем-то соразмерным себе. Присмотревшись, Ди Хэн узнал воришку — это была крупная ласка.

Зверь, который до этого успешно отбивался от собаки, почувал новую угрозу. Подняв голову, он увидел мужчину, стоящего неподалеку с ледяным лицом. Ласка взвизгнула и попыталась юркнуть в кусты.

Но Ди Хэн не собирался её отпускать. С резким свистом он метнул палку. Оружие должно было пригвоздить вора к земле, но в последний момент палка словно наткнулась на невидимую преграду и ушла в сторону. Ласка успела откатиться и избежать удара.

Ди Хэн удивленно поднял бровь, сделал два быстрых шага и сам схватил зверя за шиворот. В лунном свете он долго разглядывал добычу, пытаясь понять, что в ней не так — тот странный промах палки был явно необычным.

Ласка, не в силах вырваться, оскалила зубы и издала угрожающий звук. Ди Хэн не дрогнул.

Видя, что человек не собирается его отпускать, зверь задрал хвост, готовясь к «вонючей атаке». Ди Хэн заметил это, но опоздал на миг.

Пфух! Густая вонь мгновенно заполнила пространство. Ди Хэн тут же задержал дыхание и отвел ласку подальше, но хватку на шее не ослабил.

«Гав! Тяф-тяф!» — Ди Хэн-то успел задержать дыхание, а вот Уголёк, стоявший рядом, получил «заряд» в упор. Пёс, как безумный, принялся носиться кругами, чихая и лая.

Чтобы собака окончательно не задохнулась, Ди Хэн унес вонючку подальше. Он нашел в кладовой бамбуковую клетку, которую когда-то сплел Ши Юнь, зашвырнул туда ласку, запер дверь и бросился на кухню греть воду.

Эта нечистоплотная тварь провоняла его насквозь! Если его маленькая жена почует этот запах, он же к нему и близко не подойдет!

Запертая в кладовой ласка яростно скребла когтями бамбуковые прутья, не переставая злобно

верещать. Но единственный человек в доме, который её слышал, был слишком занят тем, что лихорадочно смывал с себя запах, боясь оставить на теле хоть малейший след вони. Ему было не до неё.

—

<http://bllate.org/book/12838/1185862>